

И.Ю. Кобзев

**МАРГИНАЛИИ
(Умная проза)**

*„Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.“
(Пушкин „Евгений Онегин“)*

1

„Я медленно вхожу в свой кабинет...“, - это во мне звучит пластинка Тухманова „По волне моей памяти“. Диск моей молодости. Я сегодня впервые в этом году вошел в свой кабинет. Зимой здесь холодно, и я пишу внизу, в гостинной у камина. Но зимой я пишу философские эссе. Это моя работа – „я философ и тем интересен“. Но остается что-то важное для меня, что я хотел бы высказать, но что было бы неуместным в философском эссе. Я даже не знаю как это что-то поименовать: заметки, воспоминания, случайные мысли? - Маргиналии! Вот и слово найдено: маргиналии – это заметки на полях рукописной книги, которые делали средневековые переписчики и часто забывали стереть их, когда рукопись уже была готова. Именно маргиналии стали главной добычей историков школы „Анналов“ в XX веке, потому что в этих пометках обнаруживал себя реальный человек средневековья, а не искусственно прикрашенный в соответствии с каноном герой или святой, о котором повествовал основной текст, над которым и работал переписчик. Маргиналии говорили о ценах на рынке, о долгах переписчика, о его тоске по подружке и т.д. Это была реальная жизнь на полях нереального жития. Вот и я хочу отвлечься от своих философских текстов и сделать несколько заметок на их полях.

2

Все цитируют слова Булгаковского Воланда о том, что человек „внезапно смертен“. Я бы немного изменил его слова: „Но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он всегда *неоднородно* смертен, вот в чем фокус!“ Что значит „неоднородно“? А это значит, что он умирает одновременно разными своими частями. Что будучи живым в отношении с одними людьми, он в то же самое время уже давно мертв в отношении с другими. Если провести внимательную ревизию своих отношений и воспоминаний, то я уверен, что процентов на восемьдесят, а то и на все девяносто, каждый окажется окруженным мертвецами, которых только по привычке он считает живыми. Ну, к примеру, можно ли считать живым бывшего друга, с которым разорваны отношения и любые связи? А старая любовница, с которой нет никаких контактов вот уже десять лет, кроме мейла ко дню рождения, - она еще жива или уже умерла для меня? Это как квантовый „кот Шредингера“ в закрытом ящике: он находится в двух взаимоисключающих состояниях – он и жив и мертв одновременно, а каков он на самом деле, можно узнать только открыв ящик. Но ведь „ящик“ со старыми друзьями и любовницами можно и не открывать никогда, потому что собственная жизнь подходит к концу. И тогда оказывается, что условная смерть близких людей ничем не отличается от смерти реальной. И когда в своих снах я встречаюсь и разговариваю с уже реально умершими людьми и с теми, кто как бы умер для меня в моей теперешней жизни, я не ощущаю между ними никакой разницы. Тяжелые, холодные воды Леты равно объемлют всех обитателей моей памяти и погружают их в толщу сновидения.

«А бывает и наоборот. И еще как бывает!», - это уже восклицание Коровьева из того же романа. Да, бывает и наоборот: совершенно неживые, выдуманные люди — персонажи романов и фильмов, обретают для читателя и зрителя статус «условно живого» человека. Особенно явно это происходит при регулярном перечитывании или пересмотре любимых книг и фильмов. Если я с реальным человеком не общаюсь десять-пятнадцать лет, а любимого героя Хабенского или, скажем, Евгения Миронова встречаю каждый год приблизительно в одно и то же время, то кто-же из них, спрашивается, для меня жив и кто мертв на самом деле? И кем же для меня является Лизанька Боярская, которая улыбается мне с экрана своим чувственным порочным ртом по нескольку раз в год, тогда как робкую улыбку своей любовницы я уже почти забыл. „Над вымыслом слезами обольюсь...“, - как писал Пушкин. А с другой стороны он же писал: „И с отвращением читая жизнь мою...“ Предположим не „с отвращением“, конечно, но с отстраненностью – это точно. Свою жизнь читаешь как роман о ком-то вполне чужом. Герой этого романа близок тебе, как герой Хабенского или Миронова, но он давно умер, исчез в реке времени и в переплетениях судьбы. Его реально нет. Так что не только другие умирают во мне, но и сам я отмираю постепенно, как дерево постепенно сбрасывает листья в предчувствии неизбежной зимы...

Или вот, скажем, Париж. Все хотят побывать в Париже. Все, кроме меня. Потому что я в детстве с упоением читал и перечитывал „Три мушкетера“, а потом в течение всей моей жизни много еще чего читал и смотрел о Париже. Париж реально живет во мне множеством судеб и историй. И к этой жизни ничего не может прибавить реальная прогулка по заплыванным тротуарам Елисейских полей. И реальный Лондон не в силах изменить тот Лондон, который поселил во мне Конан Дойл, – я лучше в очередной раз посмотрю старый или новый сериал о Шерлоке Холмсе. А реальный Лондон, как и реальная Америка, например, ничем для меня не отличаются от Аида – страны мертвых, куда закрыта дорога живым. Если я никогда не побываю в Америке, то какая мне разница существует ли в реальности или это только картинка из телевизора? Да что Америка, в которой я не был: многие города и страны, в которых я побывал, незаметно для меня самого обрели тот же „потусторонний“ статус. Например, Германия. Или Москва, в которой я бывал десятки раз. Но ведь той Москвы, в которой я бывал, уже не существует, – я сам видел это в телевизоре, на ее месте теперь стоит какой-то другой город, совершенно чужой и чуждый моей жизни. Нет моего Харькова, моего Кемерово, моей Ялты или Днепропетровска. Над ними тоже сомкнулись темные воды Леты, и я брожу по их улицам в своих тяжелых старческих снах.

3

Любой мейнстрим – это вчерашние успехи и вчерашние достижения, завтрашние победы всегда начинаются в маргиналиях. Так это происходит в биологической эволюции, тому же правилу следует и искусство. Когда Евгений Водолазкин написал своего „Лавра“, его товарищ, прочитав роман, сказал, что ему никогда не получить первую премию, потому что его роман не в мейнстриме. А когда он все-таки получил первую премию, тот же товарищ сказал: „Просто сменился мейнстрим“. Кто бы в эпоху динозавров отыскал глазами млекопитающих? А где теперь эти динозавры, разве что куры от них остались? - Сменился мейнстрим, вчерашние „заметки на полях“ эволюции стали основным текстом жизни. А как часто в эпохи резких социальных перемен люди теряют основную профессию и начинают кормиться своим хобби. Будущее содержится в маргиналиях. Специалисты процветают в мейнстриме, но новый мейнстрим всегда рождает дилетанты – те, кто не утратил способность слушать свою судьбу. А линия судьбы у каждого человека представляет собою, по крайней мере потенциально, кривую Вейерштрасса – непрерывную, но не дифференцируемую ни в одной своей точке. Это значит, что ни в одной ее точке нельзя провести касательную к этой кривой, то есть нельзя экстраполировать ее даже на ближайшее

будущее. Эта кривая вся состоит „из маргиналий“. Попытка спрямить ее в русле какого-либо „мейнстрима“ приводит к быстрой потере собственной судьбы. Нет числа примеров такого трагического ренегатства. И самый главный пример – это собственная жизнь каждого человека, которая неизбежно приводит его к потере траектории своей судьбы. В этом и заключается суть процесса старения.

Старение – это утрата собственных маргиналий, забывание „сердца горестных замет“, о которых говорит Пушкин. Траектория нашей умственной и душевной жизни напоминает броуновскую траекторию, которая демонстрирует основные свойства кривой Вейерштрасса. Своим хаотическим движением она постепенно заполняет все доступное пространство нашего внутреннего мира. Фрактальная размерность броуновской кривой равна двум – это значит, что она много раз пересечется сама с собой при заполнении „плоскости“ своего мира. А каждое такое пересечение – это встреча с „заметками на полях“, сделанных нами в прошлом. Это перечитывание своих прежних мыслей и чувств по-новому, это „передумывание“ самого себя, это „переписывание“ самого себя. В этом и заключается рост внутреннего человека в себе. Но вот подкрадывается старость и ее „муза“ Амнезия. Старые маргиналии стираются, мы не узнаем своих мыслей и чувств, пересекаясь с ними в очередной раз, и у нас все меньше причин меняться. Нас вполне устраивает то, какими мы являемся сейчас. У нас не возникает вопросов к самим себе, потому что их некому задать – тот прежний я, который мог бы это сделать, стерт с „полей моей судьбы“. Теперь нам совсем не трудно распрямить кривую судьбы, она перестает быть кривой Вейерштрасса, ее фрактальная размерность стремительно приближается к единице – она становится обычной гладкой кривой, с которой так просто снять мерку для очередного тома „Жизни замечательных людей“ или для гроба. Что вобщем-то одно и то же.

Помните склеротичного Кота Ученого в сказке братьев Стругацких, как он ходил по цепи туда и обратно и при каждом повороте забывал продолжение начатой сказки? Кривая этой цепи дифференцируема в каждой своей точке и размерность ее давно равна единице. На такой кривой вчера неотличимо от завтра и жизнь неотличима от небытия...

4

Дмитрий Быков как-то сказал своим ученикам на уроке: „Мышление – процесс гораздо более приятный, чем секс“. Прыщавые подростки недоверчиво захихикали. Чтобы понять, а тем более принять эту мысль, нужно прожить жизнь. Причем, не любую, а такую, в конце которой можно написать свои „Маргиналии“. Я прожил такую жизнь и поэтому приглашаю моих читателей проследовать за мной вплоть до самого „интеллектуального оргазма“, который Аристотель в свое время назвал „катарсисом“. Итак, представьте себе беспорядочно петляющий „броуновский“ поток нашего сознания, который так любили изображать в своих романах модернисты XX века. Этот поток несет мусор маргиналий, смытых им с берегов памяти. Мусор остается мусором, пока этот поток не пересечет одно из своих старых русел. В месте пересечения возникает заводь и водоворот, в котором кружатся совместно старые и вновь принесенные потоком маргиналии. Они сходятся и расходятся, слипаются в причудливый узор, в котором вдруг обнаруживается источник своеобразного магнетизма, который называется „новым смыслом“. Этот магнетизм кристаллизует, упорядочивает весь нацеплявшийся на него мусор подобно тому, как на намагниченный гвоздь цепляется гирлянда железных опилок. И возникает зримый образ вокруг одной из маргиналий, которая теперь именуется „символом“. Символ – это источник смысла, то есть того самого „магнитного поля“, которое упорядочивает близкие к нему маргиналии. В математике такой источник называется „незамкнутой точкой“, а вся нацеплявшаяся на него конструкция называется ее „замыканием“. Это как глыба льда, образовавшаяся в заводи нашего потока. И если наш непредсказуемый поток снова когда-нибудь пересечет свое старое русло в этом же

месте, новые маргиналии налипнут на этот айсберг, перестроив и изменив его конструкцию, - и тогда смысл изменится. В этом и состоит природа символов – они живут, пока наполняются новыми смыслами. Они всегда остаются незамкнутыми точками, требующими для себя все новых замыканий. Эта смысловая „глыба льда“ в современной нейрофизиологии называется „когом“, который является квантом понимания окружающего мира нашим мозгом. Коги объединяются более или менее постоянными связями в единый когнитом, который и представляет собой эту картину мира и нас самих в этом мире. Но если бы эти связи были стабильными, то мы имели бы перед собой не мозг человека, а мозг зомби. Что мы и имеем в девяноста процентах случаев, когда встречаем существо, принимаемое нами за человека. В таком мозгу не течет извилистый хаотический поток сознания, случайным образом выхватывающий из тьмы забвения айсберги когов. В таком мозгу этот поток заменен „проволоккой“, замороженной в коги раз и навсегда заданным способом. Такой мозг замерз в одном неизменном состоянии. Это ледовитый океан. Мозг же человека – это океан, в котором плавают айсберги смыслов, между которыми струится петляющий „гольфстрим“ сознания, несущий мусор наших маргиналий. Так устроено пространство нашего умственного бытия.

Но так же устроено и пространство искусства. „Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда“, - Ахматова это понимала. И Толстой это понимал и использовал в своем творчестве. Есть у Пушкина маргиналия времен холерного карантина в Болдине – отрывок „Гости съезжались на дачу“. И вот Толстой, увязнув в своем „мейнстримовом“ проекте об эпохе Петра Первого, листал Пушкина и наткнулся на эту маргиналию. И из нее вдруг сама собой проросла „Анна Каренина“. Вот что писал об этом сам Толстой в письме Страхову: „И там есть отрывок "Гости собрались на дачу". Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман <...> очень живой и горячий <...> и который ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год“. Или вот история об истоке Гоголевского Ревизора. И опять Пушкин – он прямо неисчерпаемый кладезь животворных маргиналий для нашей литературы. Он рассказал Гоголю анекдот, как во время поездки для сбора материалов о пугачевском бунте его принял за тайного ревизора нижегородский генерал-губернатор Бутурлин. Из этого анекдота родилась бессмертная пьеса. А „Мертвые души“ выросли скорее всего из письма Пушкина Плетневу о своей скорой женитьбе и о своем приданом, образованном после заклада двухсот душ, среди которых были видимо и „не совсем живые“. От Плетнева об этой маргиналии узнал Гоголь – так начался великая русская литература. А драматургия XX века началась с газетных маргиналий Антоши Чехонте, который просто перенес их новый язык на сцену, - и вот уже Шекспиру пришлось потесниться в театральном репертуаре всего мира. Это признал даже Толстой, который очень своеобразно отличил Чехова. Он сказал ему: «Вы знаете, что я терпеть не могу Шекспира. Но ваши пьесы еще хуже».

Вы спросите: „А где же обещанный оргазм?“. А чем же еще является рождение нового смысла из мутного потока сознания или нового произведения искусства из простой заметки на полях?

5

... Перечитал написанное выше и понял, что не удержался в области маргиналий и незаметно для себя соскользнул в привычный поток философского эссе. Что делать – „горб привычки“. Но с другой стороны, что такое эссе с точки зрения художественной прозы? - Так, заметки на полях, не более. Маргиналия. Маргиналия маргиналии и есть мейнстрим.

На днях я вышел в коридор своего дома и увидел, как моя жена кладет плитку на полу. Я полюбовался этим зрелищем и спросил не без иронии:

- Скажи, ты зачем в свое время в университет на биофизику поступала?

- Чтобы за тебя замуж выйти, - невозмутимо ответила она, пристраивая очередную плитку.

Потом мельком взглянула на меня и спросила не без лукавства:

- А ты зачем?

Я мгновенно отреагировал:

- Чтобы на тебе женился.

По ее взгляду я понял, что мой ответ мне зачтен. А я подумал: „Вот пример маргиналии нашей учебы в университете, которая превратилась в мейнстрим всей нашей жизни. В высшем образовании безусловно есть глубокий смысл, но не всегда тот, который имел в виду основатель нашего университета Васислий Назарович Каразин“.

Вот дом, который от фундамента до крыши отреставрировала своими руками моя жена с помощью моих детей. Я в этом процессе играл роль маргиналии: мои советы и замечания становились произведениями архитектуры и паркового искусства только их трудами. И теперь, любуясь моим именем, я понимаю, что оно всего лишь ставшая реальностью „маргиналия“ все того же Пушкина:

„Давно завидная мечтается мне доля —

Давно, усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальнюю трудов и чистых нег“.

Имение «Ясенева поляна», май 2020